

Ю.М. Баскакова
НЕДОВОЛЬНЫЕ И НЕСОГЛАСНЫЕ –2:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

*БАСКАКОВА Юлия Михайловна – кандидат политических наук, руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ, старший научный сотрудник Института социологии РАН.
E-mail: jbaskakova@gmail.com*

Аннотация: В статье сделана попытка оценить уровень и масштабы социального недовольства, степень его проявления и установить связь с различными формами политического протеста в период избирательной кампании 2011/2012 гг.

Ключевые слова: политический процесс, электоральные предпочтения, электоральный абсентеизм, политический протест.

Как было показано в предыдущей части статьи, данные панельного исследования ВЦИОМ¹ свидетельствуют о высоком уровне накопленного латентного недовольства, объем которого можно оценить в половину населения страны. Сочетание накопленного недовольства и перекалывания ответственности на власть задает спектр возможных сценариев проявления несогласия россиян с политикой правящей элиты и запроса на перемены:

- поддержка оппозиционных партий и движений;
- протестное голосование и протестное неучастие;
- участие в протестных акциях.

Рассмотрим эти сценарии, опираясь на данные панельного исследования ВЦИОМ.

Оппозиция: запрос на альтернативу или протестное голосование

Голосование за оппозицию часто вообще не рассматривается в качестве альтернативы. Как показано на рис. 1, даже те, кто стабильно выражал мнение, что страна развивается в неправильном направлении (4–6 раз), отдают существенное предпочтение кандидатам власти перед оппозицией, в крайнем случае выбирая стратегию неучастия. Более того, и те 19% закоренелых недовольных, которые на протяжении семи волн панельного исследования, ни разу не затруднившись, определили направление развития страны как неправильное, не отдают оппозиции выраженного предпочтения, а лишь включают ее в число альтернатив (оппозицию выбирают 37%, власть – 34%).

© Баскакова Ю.В., 2013

¹ Общероссийское панельное исследование ВЦИОМ проводилось в период федеральной избирательной кампании с сентября 2011 г. по март 2012 г. Итоговый массив составили ответы 1787 респондентов, опрошенных в 42 регионах страны по месту жительства методом личных интервью и по телефону. Более подробно с параметрами исследования, а также его результатами можно ознакомиться на сайте проекта по адресу <http://politpanel.wciom.ru>.

Основная роль, которая атрибутируется оппозиции, – артикуляция актуальных проблем, вынесение их на повестку дня, а также конструктивная критика власти.

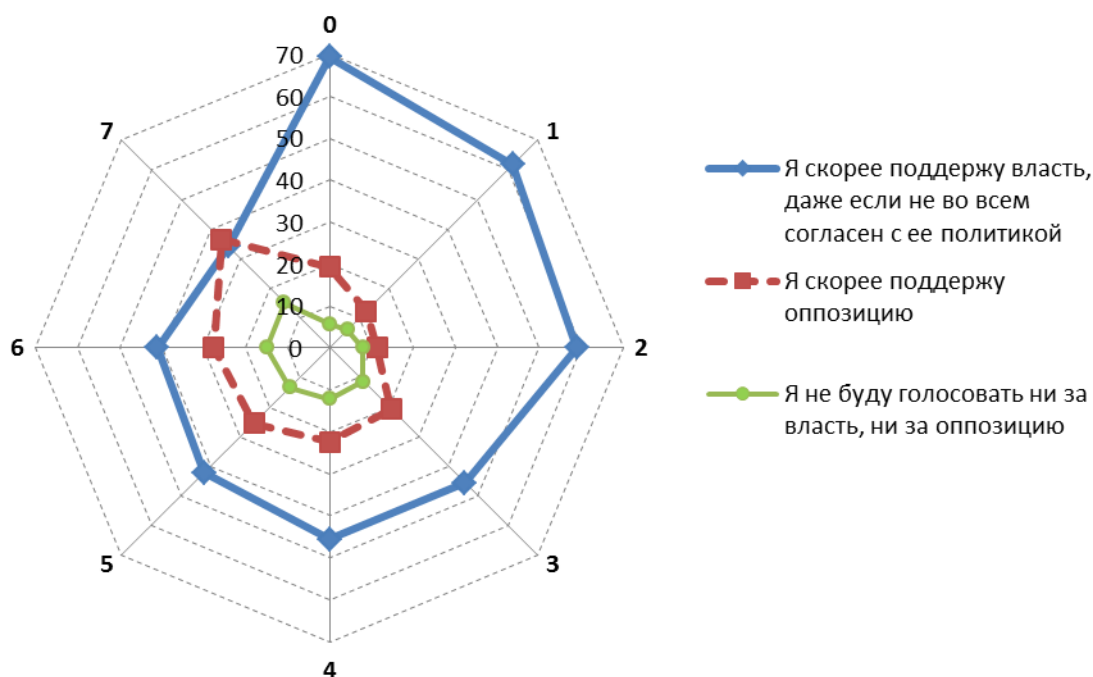

Рисунок 1 – Выбор между властью и оппозицией группами респондентов по частоте согласия с утверждением, что Россия развивается в неправильном направлении (от 0 до 7 раз)

Российская оппозиция участниками панельного исследования ВЦИОМ оценивается как слабая. Об этом свидетельствуют и данные многочисленных рейтинговых опросов, показывающих практически нулевую известность лидеров оппозиции и низкий уровень их популярности среди тех, кто о них слышал. Сильной и независимой российской оппозицией чаще называют те, кто всем доволен, поддерживает власть и к оппозиции не приглядывается. Вопросы вызывает и независимость российской оппозиции – здесь мнения делятся пополам. Суммарный образ оппозиции выглядит неказисто: слабая аморфная структура, лидеры которой либо малоизвестны, либо приелись и накопили негатив вдобавок с репутацией подконтрольности Кремлю.

Неудивительно, что необходимость такой оппозиции для многих неочевидна. Несмотря на то что наличие оппозиции половина опрошенных признает неизменным атрибутом настоящей демократии, треть недовольных считают возможным без нее обойтись при условии, что в стране созданы комфортные условия жизни людей. Подобное распределение говорит о том, что до половины населения страны (те, кто считает, что оппозиция не так уж нужна, или затрудняется ответить на вопрос о ее необходимости, а также часть тех, кто считает оппозицию атрибутом демократии) не увязывает наличие в стране политической конкуренции с уровнем ее социально-экономического развития, во всяком случае на уровне действий.

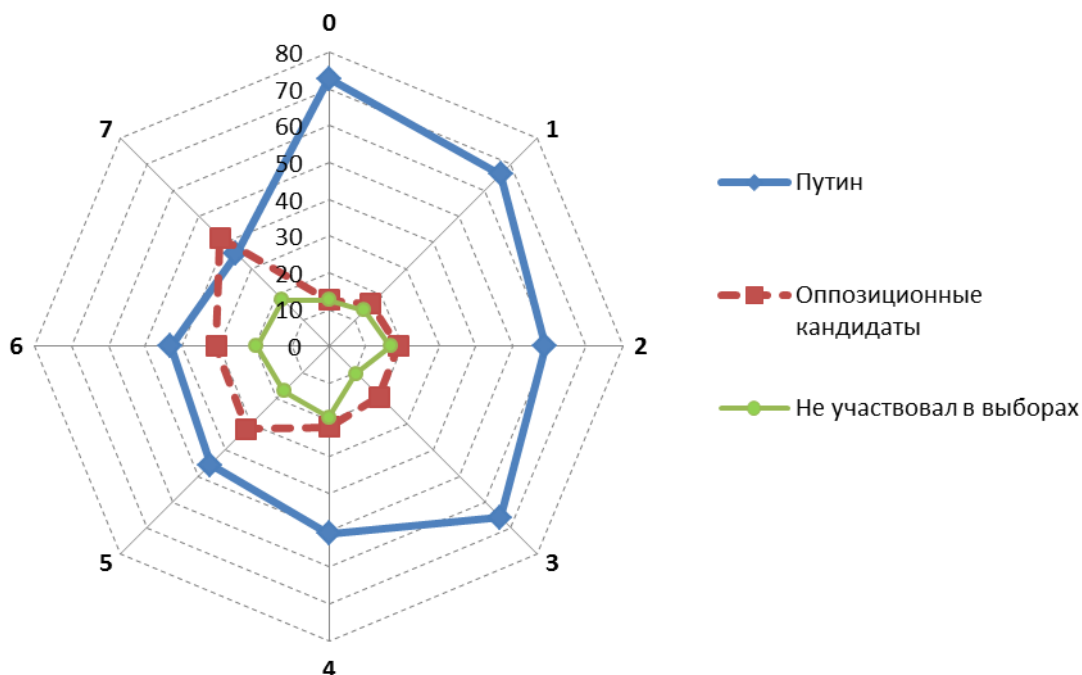
Таким образом, настроения масс применительно к демократии описываются вполне потребительски. Демократия как ценность признается и не встречает отторжения до тех пор, пока она не требует от обывателя каких-либо усилий и обеспечивает минимально приемлемый уровень устойчивого благосостояния. Такое восприятие побуждает требовать от власти решения проблем, а не искать пути ее замены.

Таблица 1 Отношение к оппозиции респондентов с разным уровнем недовольства², %

	Заявили о том, что дела в стране идут в неправильном направлении		
	0-1 раз	2-4 раза	5-7 раз
Задача оппозиции – выработать собственный курс и прийти к власти	23	36	32
Задача оппозиции – указывать власти на ее ошибки и помогать ей в работе	61	50	58
Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции	44	49	53
Если в стране нормальная политическая, социальная и экономическая ситуация, то нужды в политической оппозиции нет	40	36	34
В России есть независимая и влиятельная оппозиция	17	13	10
В России есть независимая оппозиция, но ее влияние на власть и политику невелико	36	32	38
Существующая в России оппозиция несамостоятельна и не обладает влиянием	26	36	37

Результаты панельного опроса дают еще одну иллюстрацию этого факта. На рис. 2 приведено распределение соотношения поддержки кандидата власти и оппозиции на президентских выборах в зависимости от уровня недовольства, достаточно близко совпадающее с декларативным выбором между властью и оппозицией.

Когда речь идет о выборах депутатов Государственной Думы, картина существенно меняется (рис. 3). Те, кто достаточно последовательно выражал недовольство направлением дел в стране (от 5 до 7 раз – в общей сложности 56% всех опрошенных), чаще отдают предпочтение кандидатам от оппозиции, однако выборы представительного органа обычно воспринимаются как менее значимые, второстепенные. При этом встает вопрос о мотивации поддержки – выбор в пользу оппозиции или протест против власти.

² Респондентам предлагалось выбрать один ответ по каждой паре суждений.

Рисунок 2 - За какого кандидата в президенты Вы проголосовали?

(% от числа опрошенных, по группам. По оси – число раз, которое респондент выражал недовольство направлением дел в стране). Вопрос о голосовании за кандидата в президенты задавался в марте 2013 г. (волна 7).

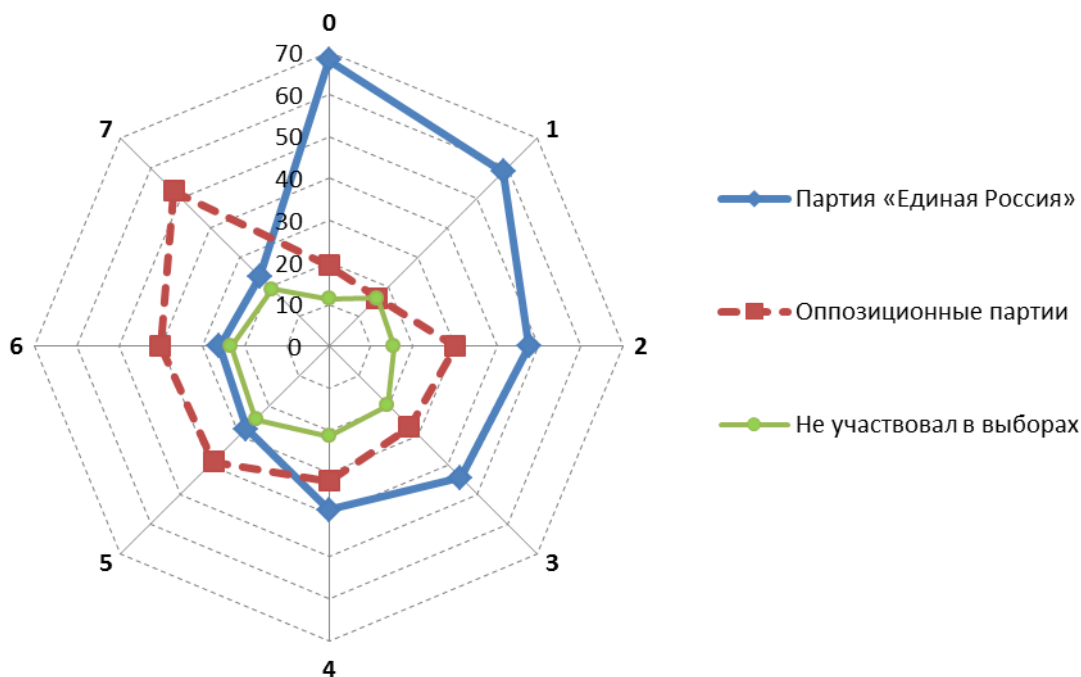

Рисунок 3 – За какую политическую партию Вы проголосовали на прошедших выборах депутатов Государственной Думы?, % от числа опрошенных, по группам. По оси – число раз, которое респондент выражал недовольство направлением дел в стране. Вопрос о партийных предпочтениях задавался в декабре 2012 г. (волна 4)

Данные предвыборных опросов показывают, что до половины электората оппозиционных партий основывает свой выбор на базе протестной мотивации, до половины электората «Единой России» – на отсутствии альтернатив. В условиях низкой популярности оппозиции протестное голосование, очевидно, не выглядит как привлекательная и разумная альтернативы – в общей сложности ее выбрали около 10% проголосовавших за оппозицию. Самая простая логика подсказывает, что, выбирая в бюллетене оппозиционного кандидата/партию, избиратель, даже если он «против», фактически голосует «за» – либо за проигравшего, и тогда его голос делят победители, либо за альтернативу, которая не имеет очевидных преимуществ.

Протестную мотивацию своего выбора отмечали в основном жители крупных (с населением от 500 тыс. чел.) и средних (с населением 100–500 тыс. чел.) городов, за исключением Москвы и Петербурга, как на парламентских, так и на президентских выборах. Факт вполне объяснимый, поскольку основная политическая активность оппозиции сосредоточена именно в столицах, здесь избиратели могут делать выбор в ее пользу не только из накопившего чувства протеста, но и из более конструктивных соображений. Для сел и малых городов протестное голосование нехарактерно вообще, поскольку власть здесь воспринимается как единственный возможный ресурс решения социально-экономических проблем.

Таким образом, электоральный выбор, как и прочие случаи принятия решений, приобретает форму выбора между сохранением статус-кво и принятием альтернативы, которая в каких-то отношениях полезна, а в каких-то имеет недостатки. При рассмотрении вероятностей результатов голосования статус-кво определяет референтные уровни

предпочтений для всех характеристик состояния, т.е. преимущества альтернативных вариантов оцениваются как выигрыши, а их недостатки – как потери. Поскольку потери переживаются сильнее, чем выигрыши, лицо, принимающее решение, более тяготеет к сохранению статус-кво [2]. Подобное стремление в сочетании с недовольством и нежеланием выражать поддержку власти, ответственной за положение дел, может сделать привлекательной иную стратегию – неучастие.

Абсентеизм: молчаливое согласие или протестное дистанцирование

Тема электорального абсентеизма (неучастия в выборах) привлекает к себе постоянное внимание как исследователей, так и политиков, чему способствует низкий уровень явки на выборах регионального и местного уровня, где в голосовании принимают участие заметно менее половины избирателей. Особую остроту тема массового неучастия в выборах приобрела в свете роста протестных настроений и массовых протестных выступлений 2011–2012 гг.

Тему неучастия в выборах как форму электорального поведения мы подробно рассматривали ранее [1], а в рамках данной статьи нас интересует, какую роль сыграло социальное недовольство в качестве мотиватора неучастия в федеральных выборах 2011–2012 гг.

Доля респондентов, намеренных не принимать участия в выборах, мало менялась на протяжении всего исследования и составляла в каждой волне опроса 4–7% для президентских выборов и 6–9% для думских². После завершения голосования в неучастии в выборах признались вдвое больше опрошенных (17 и 21% соответственно, часть опрошенных отказалась/затруднилась ответить на вопрос – 7 и 5% соответственно).

Анализ результатов исследования показал низкий уровень совпадения групп опрошенных, не принимавших участия в парламентских и президентских выборах, а также существенное расхождение намерений и действий, когда речь идет о неучастии.

Таблица 2 Динамика партийных предпочтений избирателей, не принимавших участия в выборах в Государственную Думу в 2011 г., %

	Сентябрь	Октябрь	10 ноября	24 ноября
Партия «Единая Россия»	43	40	37	42
Другие партии	26	23	28	24
Приду и испорчу бюллетень	2	3	2	2
Не стал бы участвовать в выборах	17	22	22	22
Затрудняюсь ответить	13	12	11	9

Данные предвыборных опросов не обнаруживают у настоящих абсентеистов оппозиционных настроений – партийные предпочтения тех, кто в день выборов остался дома, соответствуют общероссийскому раскладу. Как явствует из таблицы 2, среди тех, кто не пошел на парламентские выборы, доля намеренных проголосовать за «Единую Россию» составляет в среднем 41%. Те, кто не пришел на участки 4 марта, ранее выражали предпочтения,

² Очевидно, этот показатель занижен в силу влияния самого инструмента опроса – панельное исследование предполагает, что респонденты регулярно отвечают на вопросы по политической тематике, что повышает их включенность в процесс. Для сравнения: по данным еженедельного экспресс-опроса ВЦИОМ, намерение не участвовать в выборах Думы выражали 14–17% опрошенных, в выборах президента – 9–12% опрошенных, однако общая закономерность та же: фактически неявка избирателей оказалась выше зафиксированных исследованиями показателей более чем в 2 раза.

смещенные в сторону В. Путина и М. Прохорова. Таким образом, те, кто остался дома – вовсе не протестный электорат.

Декларацию намерения не ходить на выборы также сложно рассматривать как протест. Среди тех, кто хотя бы раз декларировал намерение не ходить на выборы (около 20% опрошенных), но пришел, уровень поддержки кандидата/партии власти относительно других кандидатов/партий несколько занижен, но не столько за счет роста поддержки оппозиционных сил, сколько за счет увеличения доли затруднившихся с ответом.

Опираясь на результаты панельного исследования, можно описать респондентов, не принимавших участия в выборах федерального уровня. Это люди, в большинстве своем принявшие решение о неучастии в последний момент, под влиянием различных случайных обстоятельств или в силу отсутствия у них интереса к политике и понимания значимости участия в выборах. Они ходят на выборы от случая к случаю и в большинстве своем поддерживают действующую власть, если не из симпатии к ее программе, то по причине отсутствия в их поле зрения очевидных альтернатив. Повышение явки избирателей вопреки заявлениям отдельных оппозиционеров мало изменило бы общий результат и, скорее всего, привело бы к перераспределению мест между проигравшими, но вряд ли сказалось бы на результатах лидеров.

Отношение к протестам

В условиях, когда накопленное социальное недовольство не получает выхода в электоральной форме, повышается риск массовых протестных выступлений. Комплексное воздействие медийных мантр таково, что уровень терпимости у значительной части населения высокий – свое материальное положение считают средним более половины (54%) тех, кому хватает денег только на еду, когда покупка одежды вызывает затруднения, и 80% тех, кому хватает на еду и на одежду, когда товары длительного пользования недоступны (сентябрь 2012 г., волна 0). С учетом того, что данные категории составляют в совокупности три четверти населения страны, потребность отстаивать на митингах демократию уступает необходимости обеспечивать собственное существование.

История учит, что для заметных политических потрясений миллионы на улицах не требуются. Существенным риском является факт отсутствия у власти сопоставимого числа искренних и бесплатных активных сторонников, готовых ее защищать. Почти половина участников панели ВЦИОМ (42%) в ходе предвыборной кампании, по меньшей мере однократно выражали намерение принять участие в протестах, а 7% выражали его в большинстве волн опроса (5–7 раз).

Те, кто готов протестовать, но пока остается дома, отводят душу в разговорах на политические темы и являются проводниками роста недовольства, пока не направленного.

Данные, представленные на рис. 4, демонстрируют восприятие участниками исследования вероятности протестных выступлений в своем населенном пункте и динамику личной готовности протестовать. Вероятность возникновения протестных выступлений и собственную готовность участвовать в них респонденты оценивали по 10-балльной шкале.

Обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, рост протестных ожиданий, отмечаемый еще до выборов и до появления массовых протестных акций в столице, и спад протестных ожиданий после завершения цикла выборов в марте. Во-вторых, тот факт, что протестные ожидания и протестные настроения находятся практически в противофазе – когда протесты становятся в глазах населения более вероятными, люди делают выбор в пользу неучастия.

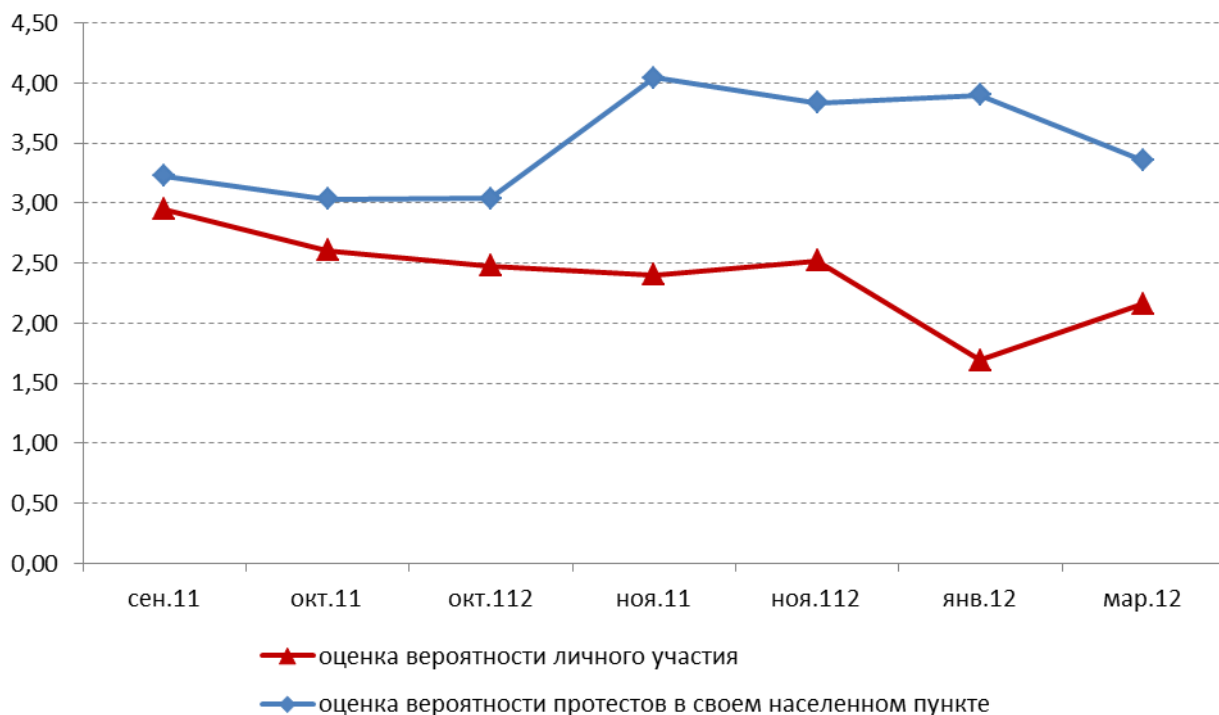

Рисунок 4 – Динамика средних оценок вероятности протестов и желания принять в них участие

Почти половина опрошенных (45%) хотя бы однажды в ходе панели высказали готовность принять участие в протестных акциях. Больше половины готовых протестовать выразили такое намерение 1–2 раза, т.е. при неизменном уровне протестного потенциала состав протестующих меняется. Если бы этого не происходило, процесс накопления недовольства неминуемо привел бы к масштабному кризису.

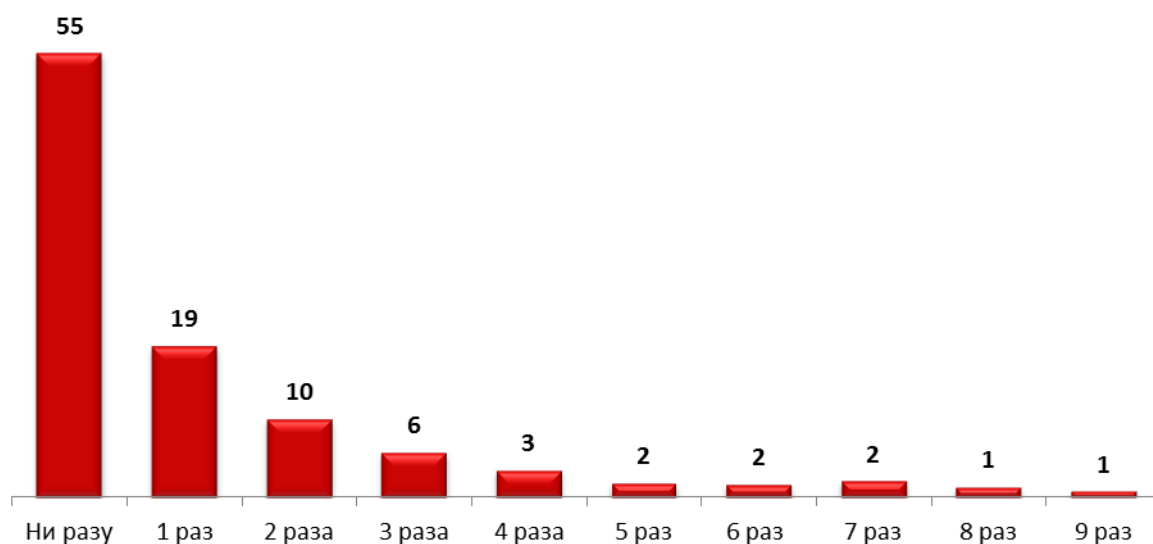

Рисунок 5 – Частота намерений участвовать в акциях протеста*

* Показатель рассчитывался по двум вопросам. Первый вопрос «Если такого рода массовые протесты состоятся, Вы лично примете в них участие или нет? Оцените вероятность своего участия в них по 10-балльной шкале» задавался 8 раз, учитывались оценки от 6 до 10 баллов. Второй вопрос «А если бы подобные события произошли в нашем городе/сельском районе, Вы лично приняли бы в них участие или нет?» задавался дважды после протестных акций по итогам выборов. Учитывался ответ «скорее да».

Всех респондентов по частоте выраженности протестных намерений мы разделим на три группы: тех, кто ни разу не изъявил желания протестовать (55%), тех, кто заявлял о нем ситуативно (1–2 раза – таких 29%), и тех, кто декларировал готовность принять участие в протестах, по меньшей мере, трижды (16%). Социально-демографические профили этих групп отличаются по трем параметрам: в обеих группах протестно-настроенных преобладают мужчины и в группе устойчиво протестно-настроенных повышена доля образованных людей (29%) и малообеспеченных (33%).

Наиболее высок градус протеста в столицах и в крупных городах (с населением от 500 тыс. человек) – здесь показатели практически совпадают, притом что практически массовые акции имели место только в Москве и Петербурге. Масштаб протестных акций в других городах не выделяется по сравнению с акциями прошлых лет. Наиболее очевидным объяснением расхождения показателей опросов и практики является ограниченная активность оппозиции по организации протестов в регионах.

Как явствует из таблицы 3, те, кто готов протестовать, не ленятся реализовывать свой протест в ходе выборов – доля абсентеистов здесь сравнительно невысока. Для обеих протестно настроенных групп свойственны повышенная электоральная активность и высокий уровень поддержки оппозиционных партий и кандидатов. Вместе с тем даже среди тех, кто неоднократно выражал намерение присоединиться к протестным акциям, достаточно велика доля отдавших голоса за В. Путина, который в группе твердо намеренных участвовать в протестах если и не набирает большинство голосов, то точно выходит во второй тур. Такого рода расклад говорит о том, что уличный протест пока несет в себе не столько протест, сколько запрос к власти.

Таблица 3 Электоральное поведение респондентов по группам в зависимости от их желания принять участие в протестных акциях в защиту своих прав, против политики властей, %

	Ни разу не выразили желания принять участие в протестах	1–2 раза выразили желание принять участие в протестах	Выразили желание принять участие в протестах 3 и более раз
Поведение на выборах парламента			
«Единая Россия»	43	29	13
Другие партии	26	45	61
Не участвовал в выборах	22	20	19
Затрудняюсь ответить	8	6	7
Поведение на выборах президента			
В. Путин	58	40	25
Другие кандидаты	19	36	58
Не участвовал в выборах	18	20	12
Затрудняюсь ответить	5	5	4

Личный опыт участия в протестных действиях имеет очень небольшая часть населения. Хотя бы раз ходили на митинги, подписывали петиции к власти, участвовали в деятельности оппозиционных организаций всего 5,2% опрошенных. Для большинства эти действия были ситуативными – далеко не все из тех, кто заявляет о своей готовности участвовать в протестных акциях на деле проявляет активность. Даже среди участников исследования, в

каждой волне опроса выражавших намерение принять участие в протестных акциях, лишь каждый второй (53%) имеет реальный опыт протестной активности.

Резкий всплеск протестной активности после парламентских выборов дал дополнительную возможность оценить соотношение между декларативными намерениями протестовать, поддержкой протестных акций и реальным восприятием протестных действий. После масштабных протестных акций в декабре 2012 г. и феврале 2013 г. уровень поддержки участников протестов резко сократился среди всех групп недовольных, причем наиболее заметно – среди крайне недовольных. Соответствующее сокращение поддержки протестующих в марте отмечается также среди респондентов, которые чаще всего декларировали личную готовность протестовать.

Таблица 4 Прошедшие акции протеста получили неоднозначную оценку в обществе. Одни люди поддерживают участников акции, другие – напротив, осуждают. А какая позиция ближе лично Вам?, %

	Все опрошенные	Заявили о том, что дела идут в неправильном направлении			
		0–1 раз	2–3 раза	4–5 раз	6–7 раз
Декабрь					
Скорее поддерживаю участников акций	37	27	31	36	43
Скорее не поддерживаю участников акций	45	53	57	45	36
Затрудняюсь ответить	19	20	12	20	21
Март					
Скорее поддерживаю участников акции	25	21	24	24	28
Скорее не поддерживаю участников акции	55	72	60	53	50
Затрудняюсь ответить	20	7	16	23	22

Таким образом, латентное недовольство пока не перерастает в открытое. Декларацию готовности протестовать правильнее интерпретировать именно как заявление о недовольстве положением дел, чем как желание выразить активный протест.

Некоторые итоги

В обществе накоплен высокий уровень латентного недовольства, которое не выявляется регулярными социологическими опросами по целому ряду причин, в первую очередь из-за несоответствия применяемого инструментария сложности задачи. Сравнительная устойчивость показателей социального самочувствия объясняется структурой образующих эти индексы вопросов, позволяющих респондентам занимать неопределенную позицию «отчасти хорошо, отчасти плохо», и наличием у социального недовольства двух составляющих: постоянной и переменной. Это приводит к тому, что состав выражающих недовольство меняется. Панельное позволило оценить объем латентного недовольства – свыше половины населения.

Те же данные показывают, что политическое выражение накопленного недовольства пока незначительно – связь между уровнем недовольства и политическими действиями респондентов прослеживается слабо. Более того, многие жители нашей страны сами не видят связи между положением дел и собственной политической позицией.

Неудивительно, что недовольство слабо преобразуется в электоральную поддержку оппозиции из конструктивных соображений либо в связи с протестной мотивацией. Среди

недовольных доминируют две стратегии – поддержка власти и неучастие в выборах. Голосование за оппозицию выбирают лишь те, у кого недовольство доходит до кипения. Остальные либо ждут решения проблем от власти, либо не верят ни власти, ни оппозиции, либо не верят в возможность решения ситуации путем выборов.

Дистанцирование от политики и неучастие в выборах не является протестной стратегией или признаком недовольства, скорее здесь проявляется уровень политической культуры населения, который иллюстрируется распространенностью представлений о низкой значимости личного участия и невысокого значения результатов выборов для страны. Если бы власть предпринимала больше усилий по привлечению избирателей на участки, как в ходе предыдущих кампаний, возможные изменения результатов состояли бы в перераспределении голосов между оппозиционными партиями, практически не отразившись на показателях «Единой России». Восприятие выборов как малозначимого события само по себе снижает возможности этого института канализировать недовольство. Фактическая безальтернативность выбора делает его ситуативным, что выражается в высокой текучести электората – половина панелистов ВЦИОМ неоднократно меняли свое намерение поддержать ту или иную партию/кандидата.

К числу диагностических признаков проявления предпротестного недовольства можно отнести декларации намерения не участвовать в выборах вопреки нормам социально-одобряемого поведения и декларации готовности протестовать. Как правило, респонденты, которые делают такие декларации, на практике ведут себя иначе – все же ходят на выборы и редко посещают митинги. Зато эти группы опрошенных проявляют свое недовольство в электоральной форме, голосуя за оппозицию.

Латентное недовольство пока не перерастает в открытый протест, несмотря на то что уровень «нагрева» достаточно высок. Механизмы идеологической компенсации расхождения деклараций и практик российской власти все еще работают. Вместе с тем действие этих механизмов основано на гипотезе о возможности долго манипулировать общественным мнением огромного числа избирателей. Но такой механизм способен долго работать лишь в условиях полноценного тоталитарного режима с полным перекрытием нелояльных власти информационных каналов. Любое промежуточное состояние заведомо неустойчиво.

Литература

- 1 Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.
- 2 Баскакова Ю.М. Мы эту власть не выбирали: абсентеизм на выборах 2011–2012 гг. // Мониторинг общественного мнения, 2012, №6. <http://wciom.ru/journal>